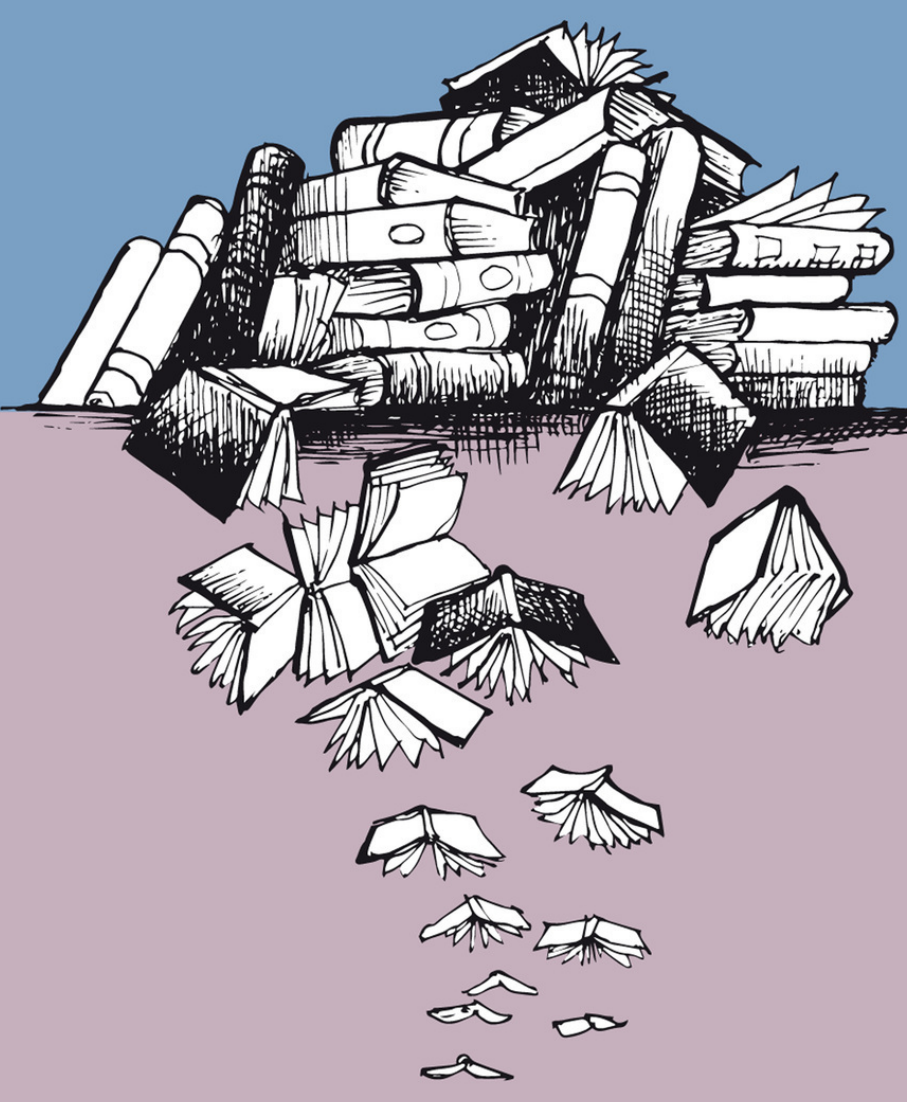

Наталия Червинская

Маргиналы и маргиналии

Самое время!

Наталия Червинская
Маргиналы и маргиналии

«WebKniga»

2020

Червинская Н.

Маргиналы и маргиналии / Н. Червинская — «WebKniga»,
2020 — (Самое время!)

Творчество Наталии Червинской посвящено теме перемещения личности из одной культуры в другую, автора интересуют скорее не бытовые, а психологические проблемы жизни эмигрантов. Это умная, ироничная, порой жесткая проза с мастерски выстроенным сюжетом и множеством точных деталей, поэтому не случайно первая книга Н. Червинской «Поправка Джексона» (2013) нашла отклик среди читателей и стала финалистом Русской премии. В настоящее издание вошли новые рассказы, а также эссе «Маргиналии: Записки читателя», в котором воспоминания неразрывно переплетены с литературной жизнью автора.

Содержание

Из отзывов читателей	5
Маргиналы: Десять рассказов	6
Трус	6
Кира и Маргарита	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Наталия Червинская

Маргиналы и маргиналии

Из отзывов читателей

...давно не встречала новые для себя имена русскоязычных авторов, а тут попалась мне книжка Наталии Червинской, и я зачиталась. Потому что такой точности формулировок, такого чувства юмора и, одновременно, такого совпадения референтной базы и восприятия определенных типажей и реалий иммигрантской жизни давно не встречала...

...я наслаждалась отличным стилем, мастерским выстраиванием сюжета, очевидной внимательностью автора, которая оборачивается множеством точных деталей и завершенной самодостаточностью рассказов...

... умная, ироничная (местами до афористичности) проза, жесткая, но поразительно легкая...

...это злая, язвительная, в чем-то очень мужская – и очень талантливая – проза...

...от описаний «настоящей жизни» обычно жить-то не очень хочется, а тут – как раз наоборот. Даже несмотря на то что Червинская «чересчур умная», ироничная, язвительная и местами по-мужски жесткая. Или всему перечисленному благодаря...

...злая и колючая на первый взгляд, но вместе с тем наблюдательная и тонкая в деталях настолько, что это не может быть не от любви к описываемому...

Художественное электронное издание

Макет, оформление – *Валерий Калныньш*

В оформлении использован рисунок Наталии Червинской

© Наталия Червинская, 2020

© «Время», 2020

Маргиналы: Десять рассказов

Маргинал – человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем и культур, испытывающий влияние их противоречащих друг другу норм и ценностей.

Трус

*когда я тоже молод был и жив
я полагал что факты существуют*

А. Цветков

Был у него в жизни такой момент, такой один момент, когда он принял решение. Мелкое и не важное, даже решением не назовешь. Просто поступил, как хотелось. Потом, конечно, он принимал решения, которые посторонним кажутся важнее, но в его собственной хронологии все волны идут из одной точки. Все, что было значительного и осмысленного, все оттуда. Остальное – так, шелуха быта.

В тот вечер ему было без двух недель девятнадцать лет, он был способный мальчик, немного уже ссутулившийся под тяжестью всех навешанных на него семейных надежд. Этаким паинька. Его приучили осознавать потенциально катастрофические последствия необдуманных поступков.

А всего-то он решил прогулять дополнительный семинар перед экзаменами и не сидеть еще четыре часа в аудитории, а пойти на день рождения к знаменитому Юрке. Именно прогул был из числа мелких, нудных преступлений, не выходявших за пределы воображения его семьи. Все его последующие преступления были для них так невообразимы, что они искренне сочли своего сына помешанным. О чем, когда потребовалось, и письменное свидетельство подписали.

Он тогда соскочил с трамвая, тут же поскользнулся в луже и чуть было не упал. Чуть было не соскользнул на рельсы и вспомнил, конечно, Аннушку и масло из недавно прочитанного романа. Но не судьба ему было в тот вечер закончить свою молодую жизнь. Наоборот, тут только она и началась.

Он пошел прямо через парк к Юркиному дому. Деревья были черные, мокрые, склизкие, кора блестела, как змеиная кожа, листья хлюпали под ногами. И фонари тусклые сквозь изморось... Но из глубины парка уже светился всеми своими окнами дощатый то ли барак, то ли сарай, короче – клоповник, где жил Юрка. В каждом окне горела лампочка, в каждом отсеке проживало по семье, и клоповник издали казался даже веселым. Накануне Юрка его сам пригласил, что казалось Андрею большой честью.

На самом деле и до сих пор кажется, а прошло уже почти сорок лет.

...У событий бывают грибницы. Вроде бы не связанные между собой, разобщенные временем и географией события имеют общие корни. И на эту научную конференцию, где я провел в некотором озлоблении два дня, меня не пригласили бы как почетного гостя и свидетеля. И не возвращался бы я сейчас в дождливых зимних сумерках, по гололеду, из университетского городка, о существовании которого тогда и не слышал.

Всю жизнь меня с пристрастием расспрашивают серьезные люди, делающие солидную карьеру. Когда-то тамошние чекисты, а вот теперь здешние журналисты, аспиранты, профессора. И всегда об одном и том же.

Как будто всей остальной жизни у меня не было. И ведь ни охранку, ни профессуру, ни журналистов ни в чем не переубедишь. У них все статьи заранее подготовлены. Тут вот что интересно: тогдашним серьезным людям маловажность моей роли была заведомо ясна. Следователям я и такой годился, на свой срок тянул. А теперешние – если человек хочет написать о тебе курсовую или очерк, то, сколько ни отпирайся, ты у него будешь крупным деятелем. А уж если диплом или книгу, так ты прямо историческая личность мирового масштаба. И не портить человеку карьеру, стой на пьедестале и не рыпайся. О черт, какая дорога скользкая, аж заносит...

Ведет Андрей напряженно, вцепившись в руль. Плохая привычка, надо расслабиться, но руки сами сжимаются. Это потому, что водить ему приходится редко и выучился он поздно, уже в эмиграции. Машина арендованная. А тут еще темень и ледяной дождь. Из-за ледяного дождя он и вспомнил тот вечер и трамвай.

Человеку с акцентом постоянно объясняют очевидные вещи. На регистрации в мотеле, где он решил все же остановиться, даже сидящий за пуленепробиваемым стеклом индеец говорит с ним свысока. Свое собственное экзотическое произношение индеец, видимо, считает благородным и чисто британским. Постколониальные народы отождествляют себя с бывшей империей, у них собственная гордость, как у чеховского Фирса, горящего об отмене крепостного права.

Индийский мотель стоит на боковой дороге, куда Андрей свернул по ошибке. Мотели такого типа отличаются убожеством, некоторой антисанитарией и дешевизной. Поэтому и пуленепробиваемое стекло – персонал защищается от подозрительных клиентов.

Поесть тут негде. Одна только бензоколонка рядом, где можно опустить мелочь в автомат, и из него что-то с грохотом обрушится. Но содержимое этих пакетов и банок так же питательно, как их пестрая упаковка, и состоит примерно из тех же химикалий. И в каком веке эти химикалии были загружены в автомат? Люди теперь так часто меняют одежду и так долго держат запасы еды, что иногда одежда на человеке свежее того, что он жует.

В промозглой темноте номера он первым делом нащупывает и включает термостат. Отопление взывает, и вместе со стремительно возрастающей температурой усиливается запах, тоскливый запах истлевшего ковра. Все в этой комнате говорит дорогому гостю: а ты чего ждал? Если ты тут находишься, то, понятное дело, жизнь не удалась. В такой комнате нельзя оказаться случайно. И не ищи выключатели, ложись в потемках. Не на что тебе тут смотреть.

Он и ложится. Голодный, сняв только куртку и ботинки.

...Ну, к суровым условиям мне не привыкать. То ли здесь совершенно было мокрое дело, то ли малолетних растлевали, то ли брошенный женой неудачник глотал горстями снотворное, запивая джином... Пахнет так, будто один из покойных все еще припрятан под кроватью. И уж совершенно точно в таких номерах не должен останавливаться почетный гость, приглашенный известным колледжем для изучения его роли в истории древней высококультурной державы, давшей ему в свое время пинка под задницу. Как у них конференция называлась? «Стратегии политического активизма: подпольные диссидентские кружки второй половины XX века»...

Через минуту он начинает засыпать, но тут опять взывает отопление, доводит комнату до удушливой жары и вони и резко умолкает. В блаженной тишине он лежит несколько минут, ожидая следующего взрыва.

Когда-то он мог уснуть и в худших условиях, но тогда он засыпал после дня тяжелого физического труда, который предстоял ему и на следующее утро. Теперь же, после нескольких дней вежливого, подавленного раздражения, ему предстоит всю ночь и, вполне возможно, весь завтрашний день лишь одно дурацкое занятие, давно доказавшее свою бессмысленность: подведение итогов.

Махание кулаками после драки.

Еще два-три года назад казалось, что можно будет под конец во всем и со всеми разобраться, договориться, расквитаться. Где надо – примириться, где надо – доказать свою правоту. Или признать свою неправоту. Главное, вспомнить и сохранить для будущего то, о чем помнит он один.

Но теперь Андрей знает, что все это невозможно. Память зависит не от очевидцев, не от любящих – они простые любители. Память зависит от профессионалов. Пусть даже их объективность конъюнктурна и следует моде текущего момента. Пусть их профессиональность ленива и нелюбопытна.

А те, с которыми он хотел прийти к общему пониманию, то есть договориться до какого-то общего, взаимно понятного прошлого, а не параллельно текущих и взаимоисключающих версий, – эти люди постепенно уходят. И нет, не то чтоб обязательно умирают или смертельно ссорятся. Просто уходят от общения, ставшего механическим и косным. Скупость, осторожность: энергия душевного тепла экономится. Главное, они совершенно перестали высекать друг из друга хоть какую-то искру. А ведь ради этой искры они и дружили и вели свои бесконечные разговоры.

Они уходят туда, где отсутствие боли – и душевной, и особенно физической – становится главным. С таким ощущением мира невозможно спорить, потому что оно совершенно и окончательно справедливо.

Собралось на конференцию человек тридцать пять – сорок, отведенная им небольшая аудитория осталась наполовину пустой. Но Андрей знал, что реальное событие, или, как следует теперь говорить, событие в реале, – не так и важно. Теперь не успевшее еще закончиться получает интерпретацию уже в процессе совершения, события обрастают тенденциозными смыслами прямо на месте. В интернете все будет выглядеть внушительно, останется в отчетах, в ссылках, в резюме участников.

Вот и журналист крутится с камерой, умело выбирая ракурс, при котором зал покажется переполненным. И студенты снимают телефонами самих себя, используя в виде фона и Андрея, и приехавших профессоров.

И входящего в зал абсолютно неожиданного Димку, Дмитрия Александровича В.

...Мне не сказали, что Димка тоже приглашен. Я к появлению уважаемого Дмитрия Александровича не подготовлен. Если здесь так старательно изучают наш исторический период, то могли бы проявить такт, предупредить деликатно о составе участников...

Дмитрий Александрович уже на входе громко говорит, продолжая один из своих монологов. После каждой фразы он умеет сделать маленькую паузу, как бы точку ставит, дает слушателям возможность оценить и запомнить.

С преимуществами Димы, которые когда-то так раздражали, Андрей уже давно примирился – жизненный опыт помогает оценить огромное значение поверхностного и внешнего. Красивый тенор Димы разносится по помещению, поэтому всегда кажется, что он в центре событий. Он обладает высоким ростом и внушительным носом. Раньше у Димки кличка была Ив Монтан. С возрастом его лицо начало приобретать аристократичность. Ведь у аристократов часто бывают глупые лица.

...И я ведь знаю, что с большинством упоминаемых им людей Дима лично знаком не был, при пересказываемых разговорах не присутствовал и шутку вот эту, которую он только что так остроумно ввернул, я сам же и придумал лет двадцать назад. Но все же какой-то частью мозга невозможно Димке не верить и им не восхищаться. Неважно, чья шутка, а важно, что на каждой свадьбе должен быть генерал. И Дмитрий наш Александрович всегда, в любой ситуации самоотверженно берет на себя роль генерала. Долгом своим считает. Неприятно только, что когда-то он попытался взять на себя роль вождя, которую ему никто не предлагал. У нас и ролей таких не было. У нас и в мыслях не было заводить идейных вождей и харизматических лидеров. Но то была наша компашка, антисоциальная группа из Юркиного клоповника, маргиналы и тунеядцы. А серьезным людям приятно с Дмитрием Александровичем В. соглашаться. Он складно говорит знакомыми словами, он высказывает то, что и его слушателям много раз приходило в голову. Он мягок, он скромен, он никому не мешает себя увековечивать. Исследователи его любят.

Когда-то его любили следователи, но об этом теперь помнят немногие, а сам Димка искренне забыл...

Два дня назад, когда Андрей ехал на конференцию – и, скорее всего, потому что солнце светило, даже припекать начало, и ничто не предвещало сегодняшнего ледяного нудного дождя, – два дня назад он почему-то надеялся на встречу с новыми людьми, воображал себе интересные разговоры и поздние посиделки, придумывал даже длинную речь, которую на этих посиделках произнесет. У Андрея до последнего времени все еще любопытство сохранялось, все еще азарт иногда возникал.

Посиделок, конечно, никаких не было. Был чинный академический фуршет, сугубо стоячий; все держали хлипкие бумажные тарелочки, прогибающиеся под ломтиком сыра и веточкой сельдерея, улыбались, как старые девы на танцплощадке. Узнавали о вакансиях. Разговаривая с ассистентом профессора или с таким, как Андрей, носителем языка и очевидцем эпохи, высматривали через его плечо какого-нибудь собеседника поважнее. Словом, работали люди, поливали и окучивали свои карьеры, ради чего, собственно, и весь сыр-бор затевался.

У него во время фуршета была только одна задача: держаться как можно дальше от соратника по борьбе Дмитрия Александровича В., глазами с ним не встречаться и в разговор не вступать. Молчи, молчи... Вылетит – не поймаешь... А ведь слово твое – не птичка, а черный ворон. Но при этом размышлял о том, что сказать Димке.

...И ведь сказал бы, трус, если б организаторы были пощедрее с алкоголем. Но они выставили две бутылки белого на весь состав конференции. Руководствовались то ли жестким бюджетом, то ли горьким опытом. Во избежание именно таких вот разборок между нами, историческими персонажами.

Неужели всю бессонную ночь я так и буду лежать и думать о том, что именно не сказал Димке? Это же была конференция. А конференция – не место для споров и выяснения истины. Тем более что у людей с нашим прошлым выяснение истины мало чем отличается от сведения счетов.

Победителей не судят. Победителей судить неприлично, это отдает завистью. А Дмитрий наш Александрович – безусловно, победитель. Двухтомник мемуаров выпустил в отличном переводе, в хорошем издательстве. На свете остается от силы десятков людей – следует думать, завистников, – которые называют Димкино сочинение сборником народных мифов и легенд. А так ведь все восхищаются...

Единственное, что мешает Андрею восхищаться, – память об Олечке, отсидевшей в ссылке лишний год из-за Диминых показаний. И ведь не показаний даже, а просто глупой трепотни. Любил человек баки забивать, даже и следователям.

Вот в последний год она и заболела.

В колледже Андрея встретила долговязая аспирантка Ева. Эта аспирантка писала по нему курсовую, а он ей мешал, усложняя концепцию несущественными деталями. Раньше люди просто недотягивали до момента превращения своего прошлого в историю. Несколько запоздало он понял, что, собственно, его жизнью Ева интересуется только в строгих рамках утвержденной темы и для проверки своих гипотез. И ему потом все мерещилось, что к ее вежливому сочувствию примешано легкое омерзение: так он смотрел когда-то на уроке биологии на распяленную лягушку.

Вчера Ева успела, однако, много порассказать о себе. Что у нее мама – полька, приехавшая сюда подростком. Что папа – успешный бизнесмен, но когда-то учился на историка, поэтому не возражает против ее академической карьеры. Что она вегетарианка. Что сегодня она не в лучшей форме, потому что у нее месячные и началась мигрень.

Неожиданное физиологическое откровение аспирантки его не шокирует, а скорее озадачивает. Озадачивает первозданная доверчивость, с которой она сообщает интимные детали своей жизни человеку, которым сама так откровенно не интересуется.

Многое в аспирантке загадочно. Тапочки на босу ногу, несмотря на холод и ледяной дождь. Манера сидеть развалившись, занимая как можно больше пространства, совсем не женская. Как будто живет она в райском саду до грехопадения, не осознав своего тела, не отделив еще тела от личности, и ничего в ней нет скрытого, тайного. Эта Ева не способна ни устыдиться, ни искуситься; и древом познания добра и зла совершенно не интересуется. Ей объяснили на лекциях по философии, что это устаревшая концепция. Что объективной разницы между добром и злом не существует. Она все сдала и усвоила.

Андрей часто встречает таких молодых людей, бойко отрицающих примитивные различия между добром и злом. Но дело в том, что ирония хороша, если основана на многих знаниях и многих печалях. Ирония же, свойственная этим молодым людям, основана именно на отсутствии и печали, и знаний. Она очень некрепкая, эта ирония, она расползается, как только жизнь по голове стукнет. И ему часто хочется подпустить какую-нибудь змею в их райский садик. Например, рассказать, что зло существует несомненно, что ему пришлось в этом убедиться эмпирическим путем, на собственной шкуре. И добро существует, хотя оно и более сложное, трудноузнаваемое. Иногда довольно скучное.

Он пытался убедить Еву, что и в далеком историческом прошлом люди тоже были не всегда старыми, а и молодыми, даже моложе ее. И действовали не по продуманному плану, не на основе теорий, а из отвращения, ненависти, стыда, сочувствия, страха. Да, страха, уж об этом-то он может порассказать. И любви. Даже не в высоком гражданственном или религиозном смысле, а просто влюбленности. И следует признать, из азарта, из хулиганского азарта. То есть в основном они не размышляли, а чувствовали. Нет, и размышляли, конечно, много. Теоретизировали, читали расплывчатую русскую философию начала века, говорили прорву всего умного...

Тут она оживилась, потребовала список авторов и спросила: существуют ли стенограммы обсуждений и где можно эти стенограммы найти? Он пошутил, что записи могли быть сделаны. Даже наверняка сделаны. Но хранятся там, куда простая аспирантка вряд ли получит допуск. Пришлось пояснять шутку.

«Ладно, в мозгах у нее, конечно, дует сквозняк, но, по крайней мере, там воздух не спертый, не закупорены все окна, как в нашем детстве было...»

Почему-то Андрей считает умственный возраст Евы эквивалентом своих десяти-двенадцати.

Но в глубине души он чувствует себя ее ровесником и даже податлив на Евины довольно относительные прелести. Интерес ко всем этим прелестям живет в нем, неистребимый, как Кощей Бессмертный. Он поймал себя на том, что начал было флиртовать, чего аспирантка, к счастью, не распознала.

В три часа ночи Андрей встает, отключает чертов термостат. Надевает куртку, обматывает голову шарфом и ложится опять, надеясь в наступившей тишине заснуть.

...Большинство докладов на конференции были мне вообще непонятны. Может быть, теперь не только квантовая механика существует и неевклидова геометрия, но и логика теперь квантовая и параллельные мысли не сходятся в бесконечности, а расходятся кто куда?.. Удивительно: как это другие люди помнят именно важное и значительное, вроде бы наперед знали, о ком и что именно надо запоминать? Мне кажется, что я был свидетелем замечательных событий, но совсем не тех, не таких, которые изучали на конференции. Было бы чудесно, если б в соответствующий момент поступал сигнал свыше: сейчас происходит историческое событие. Решается твоя судьба. Вот сейчас, именно сейчас, ты сделаешь то, что будет упомянуто в некрологах и высечено на твоём могильном камне. Хотя сомневаюсь, что такая роскошная вещь, как могильный камень, у меня будет.

Как трудно было тогда разобраться: какой шаг считать верным, а какой – провальной глупостью, можно ли свою осторожность назвать заботой о ближних или это просто трусость и нерешительность? Когда мы сочиняли письмо в защиту Юрки и спорили, следует ли прибавлять про психологические пытки, которым якобы Юрка подвергается, и некоторые говорили, что это недоказанный факт, а другие – что не в фактах дело, надо Юру спасать, – ведь мы не размышляли тогда о стратегических проблемах оппозиционного движения. Мы пытались понять: можно ли пользоваться чужим оружием, то есть пропагандой, демагогией, перегибанием палки, и забыть в таком крайнем случае про объективность и порядочность? Или поступаться порядочностью все-таки нельзя, потому что именно ее мы и спасали и возрождали. Честно говоря, никакого и разговора толкового не было. Всем было ужасно тяжело, страшно за Юрку, все мямлили и тянули резину. Перешучивались, чтобы разрядить атмосферу.

Все же интересно наблюдать за процессом объяснения и упорядочения твоего бесформенного прошлого. Вот участники конференции за два дня во всем разобрались, опуская ненужные детали. Вообще невнимание к деталям приводит к самой бесчеловечной жестокости. Идеологии построены на неуважении к деталям. Ну да, конечно, ведь об этом и сказано: бог любви, бог деталей. Прошлое состояло из противоречивых деталей, а теперь его превращают в монумент, отсекая все лишнее...

Вот это-то лишнее я и помню о своей жизни...

С отключенным отоплением холод в комнате такой же, как и снаружи. А тише не стало. К бензоколонке подъехали грузовики. Дальнобойщики за окном разговаривают, смеются, базарят. Музыка врубили.

...Как они были шокированы, когда я заговорил о каком-то своем личном страхе. «Простите, зачем так! Зачем излишнее самоуничтожение! И вообще это не совсем по теме. Всем известно, что вы и ваши товарищи были храбрецами, героями, не то что нынешнее племя, богатыри – не мы... Люди совсем другого масштаба! Вы не трус, вы герой».

Как же надоели эти разговоры! Ведь всегда подразумевается: мы тоже порядочные и совестливые, но нам страшно, с нас и взятки гладки. Нет, я как раз был трус. Мне было страшно. Не всегда, но довольно часто. Это ничего не меняет и ничего не извиняет. Не храбрость тут нужна, а совесть. Храбрыми и самые бессовестные сволочи бывают. Более того: когда Юра попросил что-то кому-то отнести и я сразу же согласился, ведь это было из чистой трусости.

Как всегда с подростками, боялся презрения друзей. Хотя не это ли именно и называлось в девятнадцатом веке чувством чести? В инфантильном девятнадцатом веке боялись потерять уважение друзей. И когда подписал письмо в первый раз – боялся, да. Боялся, что из университета выгонят. Боялся того, что с родителями будет. Но письмо-то было в защиту Юрки, выбора никакого, без вариантов.

И о какой политической деятельности они говорили? Ну не могли же мы не пойти к зданию суда, когда судили Юрку. Письма корреспондентам я должен был передавать не потому, что такой храбрый, а потому, что у меня одного было прилично с языком. Книжки я прятал не из надежды изменить мир, а потому, что приучили нас книжки уважать. К Оле в ссылку не поехать? Уж это точно была не политическая деятельность, это было свидание. Или я мог не думать головой? Нет, не мог. И, как всякий человек в юном возрасте, хотел своими мудрыми мыслями поделиться. Какая же все это политическая деятельность?..

Он пытался на конференции объяснять: хорошего выбора не было в те времена. В этом и состояло главное качество эпохи, это очень важно понять.

Тем и отличаются плохие времена, что нет хорошего выбора.

...Рисковать самим собой – это ведь мечта, роскошь. А вот что делать, когда общество состоит сплошь из заложников? Когда существует круговая порука, что ни выбери – кого-нибудь да предашь. Хочешь быть лучше других, хочешь чистеньким остаться? Не дадут, не получится. Выбирать приходилось не между коллаборационизмом и героическим сопротивлением, не между подлостью и гражданской доблестью, а между одним грехом и другим.

Да, ужасно я свое семейство тогда подвел. Правда, ни в малейшей степени не по тем причинам, которые дискутировались на конференции «Стратегии политического активизма: подпольные диссидентские кружки второй половины XX века». Такого греха на душу я все же не взял.

Но существовала моя семья. Настрадавшиеся люди, которым достались настоящие боль и голод, страх, кровь. Они добрались наконец до тихой заводи, до временно оттаявшей полыньи. Их-то, пуганых своих родственничков, я отдал на заклятие. Отнял у них единственное сокровище – себя...

На него возлагались все их робкие надежды на успех. На возрождение даже в какой-то степени семейного имени. Потому что имя, старательно забытое, у них когда-то было, род их был когда-то достаточно процветающим и разветвленным. Ко времени его детства семейство состояло из намертво замолчавшего отца, испуганной матери и нескольких тетушек-вдов; и всем скопом они его воспитывали. Музыка учила одна тетушка, языкам другая. Против языков отец возражал: для чего? С кем мальчик будет по-английски разговаривать?

У них был участок в плодово-ягодном кооперативе, где отец построил домик, пугавший мать размерами – на полтора квадратных метра больше дозволенного уставом кооператива. Только теперь Андрей догадывается, о каких вишневых садах и наследственных потрескавшихся колоннах напоминал отцу тот сарайчик. А тогда он ненавидел домик и участок, который его заставляли вскапывать и удобрять. По собственной воле он приезжал туда только дважды: чтобы спрятать, а потом забрать особо важные Юрины бумаги.

И ведь отец оказался прав насчет языков. Излишняя образованность привела к преступному общению с иностранцами.

На конференции обсуждали вопрос: можно ли говорить о результатах диссидентской деятельности начала второй половины XX века в категориях победы и поражения? Возможно ли считать печальные общественные процессы нашего времени следствием изначальных недо-

статков программы и стратегии правозащитного движения? Важно ли наследие диссидентства в текущий момент?

Для него бесспорным результатом их деятельности осталось только одно: он почувствовал себя человеком. И никогда потом этого чувства у него отнять не могли, несмотря на внешние обстоятельства. Его могли сделать несчастным человеком, голодным человеком, человеком, потерявшим семью и дом, но все же человеком он оставался.

Важно ли это в текущий момент?

Димкин доклад Андрей пропустил мимо ушей и полагал, что большинство присутствующих тоже слушали его, как музыку в лифте. Так обычно и бывало с Диминой велеречивостью: все наслаждаются блестящими гирляндами красиво нанизанных слов, знакомыми цитатами из умных книг. Если же попытаться уцепить смысл хоть одной фразы и сравнить ее с предыдущей и последующей, то смысл тает и ускользает. Главное – слушая Димины речи, все довольны собой.

Что поделаешь, миф неотразимее факта. Факт можно оспорить другими фактами, факт обрastaет деталями до бесконечности. В легенде же всегда есть лаконичный и понятный смысл, законченный сюжет. Легенда успокаивает подтверждением всех знакомых банальностей. В ней ни убавить, ни прибавить. Так это было на земле. Димин любимый жанр.

После доклада состоялась торжественная церемония передачи в библиотеку колледжа важных материалов из архива Дмитрия Александровича – тех самых Юркиных бумаг, спрятавшихся когда-то в плодово-ягодном сарайчике.

...Ужасно и несправедливо, но я считаю этого дурака, этого трепача, этого позера дешевого, этого пошлого торговца развесистой клюквой, этого почетного профессора двенадцати университетов виновным в Олиной смерти. Хотя умерла она не в ссылке, а много лет спустя, но если бы не тот год, когда она мучилась без всякой помощи в глухом сибирском поселке, если бы ее хоть как-то лечили, хотя бы диагноз поставили...

Раньше люди просто недотягивали до момента превращения своего прошлого в историю, но мне кажется, что в моей памяти тоже есть смысл и сюжет, только передать это сложно. Потому что передавать надо и вкус, и запах, и ощущение Олиной замерзшей, по-детски шершавой руки, засунутой для обогрева в мой карман; и почему именно из-за этой руки невозможно было повернуть и уйти куда глаза глядят, подальше от подъезда, в котором явно два топтуна околачивались... А необходимо было пройти между топтунами, даже слегка их растолкав, подняться на пятый этаж крупноблочного дома на темной окраине, куда тянула Олечка... Дома, где жили наши друзья, где, ясное дело, шел обыск, где всех проходящих задерживали. Мы поднимались с этажа на этаж – лифт там никогда не работал, – и было страшно, еще как страшно, и с каждым этажом становилось страшнее. Этот факт неприлично упоминать, он нелеп и не подходит для обсуждения на научной конференции, а ведь как он важен!..

Еще важнее Андрею то, что Оле не было страшно. Ей было всегда так жалко других, так ее жгло сочувствие, что на собственный личный страх просто эмоций не хватало.

Дело в том, что она, Олечка, и была их вождем и лидером. Она по большей части не принимала участия в дискуссиях, сидела в стороне. Как андерсеновская Эльза, молча вязавшая свои крапивные рубашки даже по дороге на костер, чтобы успеть всех спасти, так Оля вечно что-нибудь срочное переписывала или перепечатывала. Только когда обсуждения уж совсем заходили в тупик или дикие лебеди уж слишком воспаряли к облакам, она вставала, вздыхала тяжело: «Ну хватит, пошли, что ли!» – и шла туда, куда нужно, и делала то, что нужно.

В Оле было качество, казавшееся Андрею сказочным. То есть удивительно простым и детским, но не совсем поддающимся рациональному объяснению. Оля чувствовала разницу

между добром и злом. Как канарейка в шахте, как раздвоенная ветка вербы, ищущая живую воду.

И у нее было такое аккуратное, непритязательное лицо, всегда казалось, что она только что умылась очень холодной, живой водой. Теперь он думает: вполне возможно, что этот ярко горевший румянец уже тогда был признаком болезни.

В своих влиятельных и основополагающих трудах – и в двухтомнике легенд, и в лекциях, и в статьях – Дмитрий Александрович В. никогда не упоминает об Оле. О важности Оли для них для всех. Вспомнил он об Оле и говорил о ней чересчур подробно только однажды. Как раз там, где мог бы и помолчать. В кабинете, куда его вызвали для беседы.

Потом он объяснял, почему должен был, абсолютно должен – в тактических целях – подкинуть следствию какой-то материал. Ольга, по его мнению, была наименее важной из них, и он, в мудрости своей, преднамеренно раздул ее роль и значение. От ее отсутствия Движение, – он всегда умел произносить слова как бы с заглавной буквы, – не пострадало так, как могло пострадать от отсутствия подлинного Лидера.

Психологические сложности Дмитрия Александровича дают исследователям широкое поле для занятных интерпретаций, позволяют продемонстрировать свое знакомство с творчеством Достоевского; наиболее бесстыжие приводят цитаты про душу, которую неплохо бы сузить.

Дальнобойщики расселись по своим кабинам, сначала их мастодонты долго пятились и сигналили, потом взревели и разъехались один за другим... И теперь ему мешает заснуть мертвая тишина, от которой он все время ожидает нового подвоха. Уже пять утра.

Материалы, собранные Андреем о суде над Олей, были опубликованы уже после его ареста. Потом запах судебного зала, запахи камеры, масляная краска в коридорах. Отсюда стекала по всей стране эта государственная вонь, зеленая болотная масляная краска: по всем школам, больницам, по всем казенным домам до последнего детского садика с запахом подгорелой манной каши в жестяной государственной миске...

Ужас на лице матери в зале суда в тот единственный день, когда она пришла. Отец не приходил ни разу. Садовый участок он продал, грядки больше не копал, огурчики не солил; для него недолгий Андреев срок обернулся пожизненным.

В бессонной темноте индийского мотеля Андрей представляет себе, как оценила бы его теперешние проблемы Оля. Крайне иронически. Она вообще не любила мелкие стычки между своими. Столько было бед кругом и дел поважнее.

Сказала бы: «А чего ты с нашим бедным Ивом Монтаном вдруг связался? Он же такой теперь старенький...» Андрей слышит, как она убедительно, по-детски растягивает это слово: *ста-а-а-аренький...* С сочувствием и легким отвращением. Ведь она сама никогда не была старой.

...Я все же подошел к Дмитрию Александровичу после торжественной передачи архива, во время несмолкаемых аплодисментов. Просто подошел очень близко и сказал: «Здрасте». Вблизи Димкино лицо выглядело каким-то шелудивым и потрепанным, хотя, конечно, аристократически шелудивым. При виде меня лицо у него аж задергалось и на нем очень явственно и однозначно выразился совершенно необоснованный страх схлопотать по физиономии. А я после «здрасте» тут же развернулся и ушел. Но получил удовлетворение. Сатисфакцию, так сказать.

– Ну напугал старика. Доволен теперь? Вот ты лучше о чем подумай: я прожила только два с половиной года в той тмутаракани. Нас туда в наказание посылали за наши государственные преступления. А другие люди там жили и живут без всякого суда и следствия всю

жизнь. Просто рождаются, проживают всю жизнь и умирают. Это как? Это что же за страна такая, которая сама себя наказанием считает? Посмотри на карту, любой почти географический пункт – место ссылки. А в этом поселке и через двадцать лет лучше не будет...

...Этот давний наш разговор почему-то вспомнился. Теперь я точно знаю, что там лучше не стало ни через двадцать лет, ни через сорок: фотографии тех мест недавно видел в интернете...

Лютый мороз там стоял, когда Андрей приехал, привез ей собранную с миру по нитке одежду, рюкзак продуктов, лекарства, имевшие мало отношения к ее болезни, но зато импортные. Ничего почти Оля не ела, ему подсовывала. А он, оголодавший в дороге, не мог есть, зная, с каким трудом эти деликатесы добывались.

Но как прекрасен был тот первый вечер, может быть, самый прекрасный в его жизни, когда в ранних сумерках они пошли вместе на другой конец поселка за свежим хлебом и снег лежал свежевыпавший. Снег в те годы был еще чистый и сказочно белый, и хлеб был еще вкусный, потому что плохо печь не умели.

Что еще было хорошего? Да ничего. Но хлеб и снег – не поспоришь: натуральные.

Он Олечку немного подпоил в тот вечер. И с перерывами на ее ссылку, на его отсидку, на ее пребывания в больницах, на два года, когда его уже выпихнули в эмиграцию, а ее еще муржили и не выпускали, – за вычетом всей этой ерунды почти семь лет они прожили вместе. Жили бы и дальше, но она не послушала его уговоров и предостережений.

– Ты ведь сам признаешь, что трус. Вот трус ты и есть!

И решила на все плюнуть и попробовать завести ребеночка.

Теперь он уже не уснет и вряд ли дотерпит в этой дыре до рассвета.

Тот вечер был тоже прекрасен, о котором он вспоминал по дороге... когда он выскочил из трамвая, идущего по ежедневному маршруту от дома до университета, выскочил из-за загородки своего вечного монотонного подчинения. Тот вечер с дождем и туманом, когда он впервые встретил их всех у Юрки, всю их компашку, шайку-лейку. И попал под влияние, пошел на поводу, как выражались потом серьезные люди, проводившие с ним беседы.

Когда они расходились много часов спустя, дождь кончился и в парке стоял туман. Впереди всех шла шумная, веселая, цыганистая Ася, первая встреченная им настоящая красавица, а он был немножко пьяный, тоже впервые. И он впервые влюбился – в Асю, конечно. Это уже потом оказалось что не в нее, а в тихую, незамеченную им в тот вечер Олечку.

В портфеле лежали спрятанные между конспектами по диамату и сопромату удивительные тоненькие книжечки: одна – написанная от руки и вручную сшитая, а другая – двадцать второго года издания, с хрупкими рассыпающимися страницами, с непонятным словом «Тристия» на обложке...

Главное, он уже со всеми перезнакомился и был принят как свой. Вот так его жизнь началась.

В начале шестого он окончательно встает и выходит. Он никогда больше не увидит этой комнаты, индийца, спящего в пуленепробиваемом аквариуме, огней бензоколонки, черного леса за ней, пустого шоссе. В машине он быстро отогревается.

Ему теперь кажется, что зря потратился на мотель. Можно было доехать домой еще с вечера. Хотя что там, дома, делать? Чем больше человеку предоставлено времени в собственное распоряжение, тем меньше успеваешь. Мог бы, например, убрать. Как Оля дразнила: интеллигенты, для них даже пыль в углу – не повод подмести, а повод покаяться в лени и

неряшливости... Но в одиночку убирать неприятно. Мстительный мусор, труха существования, говорит: убирай, убирай, а я-то вернусь, вот тебя уже может не быть...

Он заставляет себя не думать о конференции и вообще о прошлом. Правда, из-за этого он начинает думать о будущем, чего тоже теперь старается не делать.

Вот какая вышла незадача: медицина достигла в цивилизованных странах такого уровня, что умереть практически невозможно. Во всяком случае – не с первого раза. При этом человека могут зачислить в неадекватные, поместить в условия, для него мучительные. Могут даже подвергать физическим пыткам из-за абсурдной жестокости бюрократизма и от отсутствия здравого смысла. И это еще если повезет и деньги есть на приличную богадельню. Русские кладут пятаки на глаза, древние римляне клали монету в рот, чтоб заплатить перевозчику. Не то чтоб при деньгах умирать приятно и небольно, но все же не так оскорбительно. Не так страшно и на тот свет отправиться, страшно попасть в промежуточный, переходный к нему мир, где у гробового входа взрывается хохотом подвешенный к потолку телевизор, где адский холод, чтобы перемерли и микробы, где над смертным одром яркий свет бьет в глаза двадцать четыре часа в сутки... Все это знают, все этого боятся, – а я-то, известное дело, трус, – но каждый надеется, что как-нибудь пронесет... Поэтому идея эвтаназии овладела массами, и даже быстрее, чем всеобщее сочувствие однополым бракам... Что б там ни говорили, гомосексуалистов на свете не так уж много, а умирают все...

К машине он приновился, дождь перестал.

Эта страна, как и страна, в которой он родился, создана не для того, чтоб в ней жить оседло, а чтоб по ней ехать. Ехать и ехать, не с разумной целью, а куда глаза глядят. В поисках чего-то. Может быть, с надеждой. Или без надежды. Ехать и ехать, все быстрее и быстрее. А цивилизация не только там, где ее довольно мало, но и здесь, где ее, казалось бы, так много, – все время обрывается, проглатывается бесконечными окраинами, исчезает в огромности континента... За аванпостом цивилизации, за грубо расцвеченной бензоколонкой, за последним кабаком у заставы немедленно начинается полная темнота, глухая плоская стена леса... И темное шоссе уходит не к аккуратным поселкам с аккуратными домами и стриженными газонами, и не к бесконечным торговым центрам, и не к дрожащим огням печальных деревень, и не к той сибирской глуши с теплым хлебом на морозе, и не к светящемуся на горизонте огромному городу, а просто к точке схода, к точке схода.

Ехать и ехать, все быстрее и быстрее.

Он врзается в столб милях в тридцати от дома, причем умирает так, как можно только пожелать каждому: мгновенно.

Кира и Маргарита

Ценность современного искусства определяется только одним – непререкаемым авторитетом специалистов.

Поэтому с утра Кира одевается во все черное, с ног до головы, и снаружи, и изнутри, начиная с очень дорогого белья, не имеющего ничего общего с формами обычного человеческого тела, и кончая сапогами на угрожающих каблуках. Иллюзию необходимо поддерживать, а иллюзия бывает иногда такой хрупкой, что поддерживать ее надо всеми возможными метафорами, включая страшноватые каблуки и корсеты.

Свой личный запас метафор из предыдущей жизни Кира не использует, хотя ее мать работала гинекологом в городской поликлинике, а у выжившего из ума дедушки именной маузер лежал в ящике кухонного стола. Дедушка был очень важным человеком на их режимном объекте, его китель был увешан орденами, а карьера покрыта тайной.

О запрете, унижении и авторитете Кира знает все досконально.

Но она знает также разницу между швом, разодранным с целью деконструкции дорогой авангардной одежды, и швом, расплзшимся из-за реальной нищеты. Тот, который от нищеты, никого не интересует. В нем нет преднамеренности. Должно быть намерение. Жест. Современное искусство – искусство жеста.

В презрении существует миллион градаций, если презрением заниматься профессионально. Кира – блестящий профессионал. Окончила аспирантуру, до замужества – до Глашки – проходила стажировку в Европе. Диплом у нее написан по Дэмиену Хёрсту.

Продажа искусства строится на сложной и противоречивой иерархии презрения. Важнейшее в Кириной работе – устрашать потенциальных покупателей, подавляя их доморощенные претензии на собственные мнения и оценки. С другой стороны, современное искусство наводит несведущих на малооригинальную идею, что и они так могут. Многие на этой блестящей мысли не останавливаются, от убеждения, что и ты так можешь, до надежды выставить и продать – один шаг. Некоторая часть рабочего дня Киры уходит на устрашение желающих совершить этот шаг именно в ее галерее.

Утро бывает труднее всего, иногда даже труднее вечера. Надо проскользнуть в ванную, чтоб не разбудить Глашку, а если она не спит – чтоб не почувствовала.

Волосы у Киры обриты почти наголо. На грим уходит двадцать точно рассчитанных минут. Кира не рассматривает свое лицо и не размышляет о возрастных изменениях. Для объективной оценки этих изменений у нее есть авторитетный специалист, которого она посещает каждый месяц. Для мыслей о скоротечности времени – времени нет.

Если проснется Глашка, то произойдет сбой в самом начале дня, нарушение жесткости. Размягчение, вязкость. Брешь в броне. Иногда в таких случаях приходится заново переодеваться. Момент выхода из квартиры, сдачи Глашки с рук на руки Маргарите, – самый сложный элемент дня, столкновение двух реальностей не просто различных, а несовместимых. Иногда на это уходит примерно половина всей рассчитанной на день Кириной энергии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.